
Горячечный и триумфальный город

Г. Н. Корнева, Т. Н. Чебоксарова

О вкладе Леопольда Шведе в электрификацию императорских резиденций Царское Село и Ливадия

Быстрое развитие электротехники в России пришлось на царствование Александра III. Вступив на престол, он избрал местом постоянного пребывания своей семьи Гатчину, где вскоре и появились новшества: первая электрическая лампа на столе в кабинете Государя, электрические фонари в окрестностях дворца, электрификация первой квартиры — начальника дворцовой охраны свитского генерала Петра Александровича Черевина. Во время правления Александра III, в 1887 г., в штатное расписание Министерства Императорского Двора была введена новая должность — электротехник при Высочайшем Дворе, и 30 марта на нее был назначен Александр Иванович Смирнов, заведовавший освещением Гатчинского дворца в 1881–1883 гг.

Один из сотрудников Министерства Двора, В. С. Кривенко, писал в «Воспоминаниях» о начальном периоде работы А. И. Смирнова в царской резиденции: «Смирнов оказался знающим электротехником; к нему обращались за указаниями по установке электрического освещения, чем интересовался

*Здание дворцовой электростанции
в Гатчине. Фотография 1930 г.*

Александр III и неоднократно выслушивал сам доклады лейтенанта». Надо отметить, что минных офицеров в те времена учили фотографировать, и до наших дней дошло множество фотографий, выполненных А.И. Смирновым.

Великие князья Николай, Георгий и Михаил Александровичи еще в юности стали свидетелями событий, определивших их интерес к электротехнике. Так, Цесаревич Николай Александрович записал в дневнике:

7 февраля 1882 г.

...смотрели в Черевина комнатах электрическое освещение Эдиссона; Смирнов подарил нам по такому фонарику... [2, с. 35].

5 января 1895 г.

Миша возился со своей электрической машинкой. Аликс [императрица Александра Федоровна – Авт.] и Митя [вел. кн. Дмитрий Константинович – Авт.] тоже принимали деятельное участие в опытах, пока я читал.

9 апреля 1895 г.

Обедал с Мама в 8 ч., с Мишой и Андреем. Они потом зажгли большой электрич. фонарь и освещали сад и даже некоторые дома на Невском [3, с. 58, 73].

На балу 10 января 1885 г. были впервые залиты электрическим светом залы Зимнего дворца, и вскоре в нем начала работать «фабрика электричества», построенная по проекту инженера Василия Леонидовича Пашкова. В то время это была крупнейшая электрическая станция в Европе. Императора Александра III, а впоследствии и его сына Михаила [5] в прессе в конце XIX – начале XX века называли «покровителями электротехники в России».

А. И. Смирнов (в 1 ряду в белом кителе) среди сотрудников гатчинской дворцовой электростанции и электротехников (первый слева в 1 ряду М. А. Шателен). 1893. Фотография И. М. Гусева из архива А. С. Иванова

Современный специалист А.И. Иванов поместил на сайте в Интернете подробное описание процесса электрификации Гатчины. На одной из фотографий 1893 г. А.И. Смирнов снят в группе электротехников, среди которых преподаватель ЭТИ Михаил Андреевич Шателен, первый профессор электротехники в России. Автор текста указывает, что А.И. Смирнов в том году был в командировке в Чикаго на Международной выставке, а в его отсутствие обязанности электротехника выполнял Леопольд Шведе.

Монорельсовая дорога, сооруженная по проекту Ипполита Романова

9 мая 1900 г. А.И. Смирнов перед поездкой на Всемирную выставку в Париж в своем рапорте сообщал Министру Двора Владимиру Фредериксу, что электротехнику Ипполиту Романову разрешено пользоваться током электростанции для демонстрации разработанной им электрической железной дороги Великому князю наследнику Михаилу Александровичу под надзором Леопольда Шведе. В частной беседе А.И. Иванов сообщил, что инженер Л. Шведе активно работал в 6-м отделе Электротехнического общества, а в 1900 г. он подарил ЭТИ Императора Александра III новый счетчик русско-германского общества.

Вслед за электрификацией основных резиденций Александра III появились подобные технические новшества и в Царском Селе. Здесь в 1887 г. по проекту архитектора А.Ф. Видова возвели Певческую башню, которая с самого начала была рассчитана на совмещение «функций водонапорной и электрической станций». В ноябре того же года в Певческой башне начала работать станция постоянного тока, позднее она была реконструирована, и 25 августа 1890 г. состоялось официальное открытие новой станции, переменного тока. По проекту инженера В. Пашкова были установлены на улицах 120 фонарей на чугунных столбах, освещены дворцы. С.Н. Вильчковский в историческом описании городка в окрестностях Петербурга отмечал: «... на долю Царского Села выпала честь быть первым городом не только в России, но и в Европе, который весь был освещен электричеством» [1].

Николай II из всех императорских резиденций отдавал явное предпочтение Царскому Селу и Ливадии. И как это ни парадоксально, его резиденция под Петербургом была «пионером» электрификации, а введение крупномасштабного электрического освещения во дворцах и парках крымского имения произошло лишь в начале 1910-х гг., оно совпало с периодом постройки Нового Ливадийского дворца.

Так, электрические фонари на улицах Царского Села появились в 1899 г. Тогда в мае Хозяйственный отдел Кабинета Его Императорского Величества сообщил в Царскосельское дворцовое управление (ЦСДУ), что он «возвращает Высочайше утвержденный 15 сего мая рисунок металлического столба

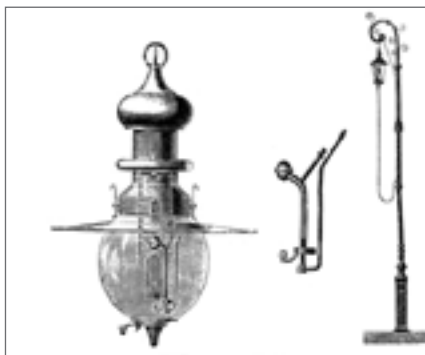

*Певческая башня в Царском Селе.
Современная фотография*

*Фонарь у здания Дворцовой
электростанции в Царском Селе*

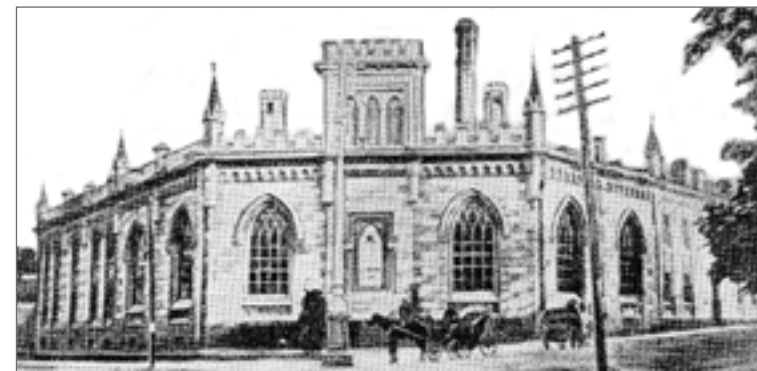
для электрических фонарей и разрешает исполнить работы по постановке... стоимостью не свыше 450 руб. за столб с тем, чтобы работы были исполнены ко времени прибытия Высочайшего Двора в Царское Село осенью текущего года». В Ливадии же согласно «Высочайшему повелению» 1906 г. было установлено «потребное количество керосино-калильных фонарей для наружного освещения дворцов и зданий», и вплоть до 1911 г. дворцы, дома для свиты, казармы и служебные постройки усадьбы были освещены снаружи обыкновенными, керосиновыми фонарями. В 1906 г. управляющий крымским имением Владимир Качалов приказал установить «керосино-калильные фонари на высоких металлических столбах, на первое время около 25 штук», на что была выделена сумма порядка 6 500 руб.

*Устройство
керосино-калильного фонаря*

Вскоре после свадьбы Николая II началась перестройка помещений для императорской семьи в Александровском дворце. Была создана специальная комиссия Министерства Двора для расчета затрат на «работы, вызванные пребыванием в Царском Селе Высочайшего Двора». В отчетах этой

комиссии упоминается необходимость решения проблем электрификации и вентиляции залов и комнат дворца. Разработка проекта вытяжной вентиляции в 1895 г. была поручена известному специалисту «реvisorу технику» В.Л. Пашкову. В 1896 г. «ввиду предстоящего устройства электрического освещения в Большом Царскосельском дворце и других дворцовых зданиях» заведующему электрическим освещением инженер-механику Л. Шведе поручили переделать «275 бронзовых и других карсельских ламп» и «старинную медную люстру в древне-русском стиле на 48 свечей, украшенную сверху двуглавым орлом», чтобы приспособить их к электрическому освещению.

Здание Дворцовой электростанции в Царском Селе

В том же году было решено, что мощности электрической станции Певческой башни недостаточно для нужд дворцов и освещения улиц. Было построено по проекту архитектора С. Данини здание Дворцовой электростанции в псевдо-готическом стиле. Она давала свет в Екатерининский (Большой), Александровский и Запасный дворцы императорской резиденции. В последнем проживала семья дяди императора Николая II – Вел. кн. Владимира Александровича.

Начальником Дворцовой электростанции в Царском Селе назначили помощника старшего инженер-механика ЦСДУ Леопольда Робертовича (Романовича) Шведе (1864–1950). Он занимался оборудованием станции и различными вопросами ее эксплуатации, а судя по архивным документам – решением множества разнообразных проблем, в том числе связанных с водоснабжением императорской резиденции

Большой (Екатерининский) дворец в Царском Селе

в окрестностях столицы. Тринадцать лет спустя имевшему богатый опыт специалисту-электротехнику Л. Шведе было поручено заняться вопросами электрификации Ливадии.

Леопольд Шведе принадлежит к мещанскому роду, который происходит из Германии. В России представители рода Шведе оказались в XVIII в.

Дед Леопольда Густав Петрович (1777 либо 1778–1833 либо 1834) в 1807 г. участвовал в Лифляндском ополчении в обер-офицерском звании, а с 1810 г. работал нотариусом в Рижском уезде Лифляндской губернии. Его сын Роберт Густавович (1806–1870 либо 1871) благодаря протекции придворного живописца Т. Неффа был принят в Императорскую Академию художеств, а закончив ее, стал известен как художник-портретист. Среди его работ портрет М. Лермонтова на смертном одре, выполненный с натуры в Пятигорске (1841), портрет президента Академии художеств герцога Максимилиана Лейхтенбергского и др.

Родной брат Роберта Леопольд Густавович (1823–1882) – родоначальник ветви, прославившей род Шведе в области кораблестроения и морского дела. Его сыновья Евгений (1859–1893) и Константин (1863–1933) служили морскими офицерами, а внук Евгений Евгеньевич (1890–1977) стал в 1944 г. контр-адмиралом. Он работал в ленинградской Военно-Морской академии с 1926 по 1965 г.

Леопольд Робертович Шведе тоже начинал свою карьеру на флоте. Однако по просьбе электрика Высочайшего Двора А. Смирнова в 1892 г. Л. Шведе, состоявший «в Морском Ведомстве минным механиком броненосца Император Александр II», был назначен его помощником. В 1888 г. Л. Шведе вступил в законный брак с Капитолиной Ивановной (урожд. Трапезниковой). Подавая 15 сентября 1893 г. прошение о выдаче вида на жительство в Санкт-Петербурге, он указал, что в семье трое детей:

Леопольд Романович
Шведе

Л. Р. Шведе с детьми во дворе
Большого дворца в Царском Селе

«Полуциркули» Большого дворца в Царском Селе. Фото Г. Корневой. 2010 г.

Зоя 5 лет, Надежда 3 лет и Дмитрий 2 лет. С той поры и до Октябрьской революции карьера Л. Шведе была связана с Министерством Двора. По справочнику «Весь Петербург» мы установили, что в 1895–1897 гг. семья Леопольда Робертовича жила в Петербурге в доходном доме Гвардейского экипажа по адресу Екатерининский канал, 132, с 1897 – в Большом дворце Царского Села, а в 1910–1917 гг. – в левом полуциркуле того же дворца.

Семья Николая II высоко ценила результаты работы Л. Шведе. Видимо, император Николай II знал, что на коронационных торжествах в 1896 г. Леопольд Шведе отвечал за иллюминацию Москвы, которая была высоко оценена современниками.

В 1898 г. восприемником от купели его сына Владимира был записан Император, а в октябре 1899 г. надворный советник Леонид Робертович обратился к начальнику ЦСДУ Владимиру Ефремовичу Ионову с Прошением о «разрешении на восприятие от Святой купели дочери его Музы, родившейся 9 истекшего Октября, Именем Ея Величества Государыни Императрицы». Поддерживая ходатайство своего подчиненного, генерал-майор Ионов сообщал, что «Шведе своею усердною службою вполне заслуживает просимую им Монаршую милость...». Императрица Александра Федоровна согласилась быть восприемницей дочери Л. Шведе и по этому случаю повелела передать в подарок его жене Капитолине Ивановне серебряный столовый прибор.

На протяжении 25-летней работы в Царском Селе Л. Шведе регулярно получал подарки из Кабинета Его Величества. Довольно длинный список (более 30) Высочайших подарков, видимо, назначаемых к Пасхе, Рождеству, а иногда и по особым случаям, приведен в деле, содержащем «списки лиц, награжденных

Доходный дом Гвардейского экипажа
на Екатерининском канале
(канале Грибоедова), № 132

подарками из Кабинета». Анализируя данные, извлеченные из документов этого дела, можно заметить, что Л. Шведе выгодно выделяется среди прочих лиц, получавших поощрения, как числом, так и стоимостью предметов. Среди врученных Шведе подарков дорожные (1895), столовые бронзовые (1903, 1909) и деревянные настольные (1913) часы знаменитого петербургского мастера Павла Буре, серебряные портсигар (1899) и компотница (1910) — изделия фирмы Фаберже, кофейник (1892), серебряный закусочный прибор (1896), 6 серебряных столовых ложек, вилок, ножей (1898), хрустальная кружка (1906) и 2 графина в серебре (1912), выполненные Петербургским Торговым домом И.Е. Морозова, 12 столовых ложек (1896), серебряная чернильница (1905), графин с 6 серебряными чарками (1907) и серебряные кофейный сервиз (1908) и чайник на конфорке известной фирмы Грачевых, прославившейся изготовлением предметов в русском стиле, и другие ценные вещи. Таким большим количеством, богатым ассортиментом и высокой стоимостью отличается лишь список царских подарков начальника Шведе, генерала-майора Михаила Сергеевича Путятин, возглавлявшего ЦСДУ в 1911–1917 гг.

23 января 1910 г. император Николай II одобрил перечень затрат на запланированные работы в Ливадии, в основном связанные со строительством Нового дворца. Он собственноручно написал: «Согласен Во всей Ливадии следует завести электрическое освещение». В эти же январские дни начальник Главного Управления уделов кн. В.С. Кочубей передал Министру Двора «предположение об устройстве собственной электрической станции»

Здание электростанции в Ливадии. Арх. Гуцин. Фото Г. Корневой. 2010 г.

и указал, что «вопрос этот составит предмет особого доклада». Решение основных задач, связанных с оборудованием новой электрической станции, проводкой освещения во все здания Ливадии было поручено Л. Шведе.

27 апреля 1910 г. была представлена отдельная смета, в которой указывалась стоимость здания электрической станции — 52 тыс. руб., дома служащих при ней — 21 тыс. руб., а также самого оборудования станции и проводки освещения во всех зданиях — 338 тыс. руб. Предполагаемые затраты на наружное освещение оценивались в 54 тыс. руб., а всего планировалось израсходовать на реализацию проекта электрификации имения 411 тыс. руб.

Вопросы строительства и оснащения электрической станции в Ливадии довольно подробно рассмотрены в работах научного сотрудника Ливадийского дворца-музея Л.И. Прокоповой. Она, в частности, отмечает, что в тот период Л. Шведе неоднократно приезжал в царское имение в Крыму, а «во время пребывания в Царском Селе между ним, Строителем дворца Н.П. Красновым и управляющим имением В.Н. Качаловым велась переписка, касающаяся разных вопросов по электрическому освещению». Чрезвычайно занятным кажется с позиций сегодняшнего дня отношение Владимира Качалова, брата директора ЭТИ Николая Николаевича Качалова, к источникам постоянного и переменного тока, которое он выразил в письме Леопольду Шведе от 19.01.1912, обнаруженном нами в ГААРК: «... Очень жалею, что Вы так энергично протестуете против устройства аккумуляторной батареи... электрический свет переменного тока прямо от машин представляется для меня прямо отвратительным, и я удивляюсь, что по этому поводу до сих пор не поступало никаких неудовольствий и жалоб официального характера, но лично мне многие служащие при Дворе и у нас в имении жаловались неоднократно на мигание, дрожание и вообще неравномерность освещения. На себе самом я замечал, что после часа работы в Ливадии глаза страшно утомляются. Я знаю, что аккумуляторная батарея требует за собой большого ухода и скоро изнашивается, но тем не менее я продолжаю настаивать и прошу Вас не противодействовать устройству этой батареи для дворца и светских домов, так как считаю, что при миллионных затратах на Ливадию было бы грешно поспустить на расход в 15–20 тыс. руб., чтобы дать здоровое и надежное освещение для Державного Хозяина и Его семьи».

*Фасад дома управляющего в Массандре.
Фото Г. Корневой. 2011 г.*

В строительстве и оборудовании электростанции участвовали помощник Шведе, выпускник петербургского Политехнического института Н. Е. Легович, петербургские фирмы и мастера, в частности Товарищество «Железо-Бетон», машиностроительный завод «Людвиг Нобель», Акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске», «Всеобщая компания электричества», часовая фирма «Фридрих Винтер».

Товарищество «Железо-Бетон», созданное в 1900 г., было широко известно в России. Оно возвело немало зданий в Петербурге, в частности, участвовало в строительстве Электротехнического института Императора Александра III. В 1908 г. на Первой Международной строительно-художественной выставке в российской столице фирма построила на территории выставки каркасный павильон, представила большой железнодорожный навес на двух опорах, монолитную висячую лестницу с площадкой на одной опоре и лодки из столь необычного в данном случае материала. До наших дней дошло лишь одно из сооружений выставки, исполненных товариществом «Железо-Бетон» – железнодорожный навес, который стоит на Каменном острове в Петербурге.

Механический завод «Людвиг Нобель» на Выборгской стороне в Петербурге был создан Людвигом Нобелем (1831–1888) в 1862 г. и сначала занимался бронзовым и чугунным литьем, а затем переключился на выполнение военных заказов. В конце 1890-х годов этим заводом владел Эммануил Нобель (1859–1932), сын Людвиг. Он в ту пору заинтересовался дизелями и вместе с Рудольфом Дизелем учредил «Русское общество двигателей Дизель». Завод «Людвиг Нобель» стал крупнейшим производителем дизельных двигателей в мире, поэтому неудивительно, что именно этому предприятию была поручена установка двигателей Дизеля в здании электрической станции в Ливадии. Ныне завод – преемник «Людвиг Нобеля» – на *Выборгской наб., 17* в Петербурге носит название «Русский дизель».

Павильон, построенный Товариществом «Железо-Бетон» для первой международной художественно-строительной выставки (1908) на Каменном острове в Петербурге

Часть механизма часов в башне Городской Думы в Петербурге с клеймом фирмы «Фридрих Винтер»

Часы на здании электростанции в Ливадии

Часы на фасаде Нахимовского училища в Петербурге

Реклама немецкой фирмы «И. Ф. Войле»

Торговый дом и предприятие, занимавшееся изготовлением часов разных размеров, было организовано в Петербурге Фридрихом Винтером в 1867 г. О работе этой фирмы после смерти ее основателя в 1893–1917 гг. до недавнего времени было известно немного. Про фирму «Фридрих Винтер» писали то как про немецкую, то как про швейцарскую. Между тем торговый дом «Фридрих Винтер» был прославленным поставщиком башенных часов и установил более 200 экземпляров таких точных механизмов по всей России. В 2008 г. была опубликована чрезвычайно интересная статья Йохена Хойслера и Хельги Шульц, правнучки Ф. Винтера. В указанной работе использованы семейные архивы потомков знаменитого немецкого часового мастера и фирмы из Саксонии, выполнявшей заказы совместно с петербургской часовой фирмой. Оказалось, что в Петербурге и сегодня находятся в рабочем состоянии часы на зданиях Московского вокзала, Адмиралтейства, Нахимовского училища, в создании которых участвовала фирма «Фридрих Винтер». Однако внимательные немецкие историки установили, что некоторые из исследованных ими башенных часов включались одновременно и в каталог фирмы «I. F. Weule, Vochepent». Например, на механизме часов для башни городской Думы в Петербурге имеется фирменный знак компании «Фридрих Винтер», но они упоминаются в архиве

Фридрих Винтер

немецкого города Бокенем как изготовленные компанией «И.Ф. Войле». На часовом механизме в башне Московского вокзала фирменный знак И. Войле зашлифован, а поверх привинчена плитка с надписью «Фридрих Винтер в С. Петербурге».

С 1902 по 1914 г. главным владельцем фирмы «Фридрих Винтер», успешно работавшей в российской столице, был швейцарец Отто Хефель, а его компаньоном – племянник основателя предприятия Альберт Винтер. В ту пору и был выполнен престижный заказ на изготовление часов для зданий конюшни и электрической станции в Ливадии.

В РГИА хранятся многочисленные документы, повествующие о выполнении работ по оборудованию электростанции и освещению зданий в Ливадии петербургскими компаниями «Людвиг Нобель» и «Всеобщая компания электричества», договоры с которыми были составлены Л. Шведе. Мы не будем останавливаться на этой теме, поскольку она подробно рассмотрена Л.И. Прокоповой, в основном по материалам Государственного архива в Автономной Республике Крым (ГААРК). Отметим лишь, что при встрече с архитектором Р. Красновым императрица Александра Федоровна повелела, чтобы были переданы «из Царскосельского дворца серебряные бра, канделябры, фонари и зеркала для приспособления их к электрическому освещению Ливадийского дворца».

Фонарь на территории Ливадии.
Фотография Г. Корневой. 2011 г.

Известно, что император остался доволен не только великолепным Новым дворцом, но и вспомогательными постройками и 21 сентября 1911 г. выразил архитектору Гущину свою благодарность за «красивую электрическую станцию».

По итогам работ по электрификации Ливадии основные их участники – Л. Шведе, Г. Гушин, Е. Красных, Г. Шпигель, Н. Легович – получили награды.

О дальнейшей судьбе Л. Шведе долгое время не было известно, и лишь недавно выяснилось, что он и его жена умерли в Баварии. В 2010 г. по инициативе его внучки Светланы Александровны Герич (члена Всемирного клуба петербуржцев) прах

Надгробие Л.Р. Шведе
и его жены на Казанском
кладбище в г. Пушкине.
Фото Г. Корневой. 2011 г.

Родственники Л. Р.
и К. И. Шведе и сотрудники
Историко-литературного музея
г. Пушкина в день перезахоронения
праха на Казанском кладбище

Л. Шведе и его жены Капитолины Ивановны был перенесен на Казанское кладбище Царского Села и перезахоронен.

Мы благодарны директору Историко-литературного музея города Пушкина Давыдовой Н.А. за предоставление материалов, опубликованных ею в царскосельском альманахе «Екатерининский собор».

Корнева Галина Николаевна
Выпускница ЛЭТИ (1972),
канд. техн. наук, заместитель
директора издательства
«Лики России» по внешним связям.

Чебоксарова Татьяна Николаевна
Выпускница ЛЭТИ (1967), доцент
кафедры МО ЭВМ, организатор
и руководитель постоянно
действующего семинара
по историографии Петербурга
в Доме ученых РАН.

Источники

1. Вильчковский С. Н. Царское Село. СПб., 1911.
2. «Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917». СПб., 2008.
3. Дневники императора Николая II. «Орбита», 1991.
4. Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Россия и Европа. СПб., 2010.
5. Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Император Александр III и его сын Михаил – «покровители российской электротехники» // Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX – начале XX века. Материалы научной конференции. СПб., 2009. С. 104–110.
6. Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Связи семьи Качаловых с императорской фамилией // Труды Международной конференции в Ливадийском дворце-музее. 2010.
7. Мамонтов А. Н., Чебоксарова Т. Н. Аптекарский остров. Электротехнический институт императора Александра III // Старый Петербург. Поиски, находки, открытия. СПб., 2009. С. 297–313.
8. Немцы в России: энциклопедия: в 4 т., М., 2006.
9. Прокопова Л. И. Царская Ливадия в калейдоскопе ушедшего времени. Симферополь, 2008.
10. Трубинов Ю. В. Певческая башня в Царском Селе // Памятники науки и техники. 1987–1988. М., 1989. С. 92–100.
11. Й. Хойслер, Х. Шульце. Часы фирмы «I. F. Weule, Wochepet» на башнях Петербурга // История Петербурга, 2008, № 6. С. 37–43.
12. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 998; Оп. 44. Д. 908; Ф. 472. Оп. 1911. Д. 46. Ч. 4; Ф. 482. Оп. 6. Д. 504; Ф. 487. Оп. 5. Д. 1958; Оп. 6. Д. 1959; Оп. 6. Д. 2126; Ф. 515. Оп. 1. Д. 118, 122, 123; Оп. 85. Д. 195; Ф. 525. Оп. 1 (200/2688). Д. 155.
13. Гос. архив Автономной Республики Крым. Ф. 218. Оп. 1. Д. 2299.
14. Екатерининский собор. Альманах. 2010, вып. 4. СПб.

Калейдоскоп нашей памяти

А. Скрицкая

Андрей

В марте сорок второго мы уезжали из блокадного Ленинграда. Сначала — по Ладоге, по Дороге жизни. Потом — в длинном товарном составе, в вагоне-теплушке — на Восток. Было мне тогда десять лет, а моей сестре Гале — восемь месяцев. Она родилась в самом начале войны. Ленинград бомбили, немецкие войска рвались к городу, шла эвакуация населения. Мама побоялась пускаться в путь с новорожденным, решили отложить отъезд, но уехать не успели — началась блокада...

Позади у нас и у всех, кто ехал с нами, была страшная зима сорок первого — сорок второго годов. Люди ехали полуживые, в крайней степени истощения.

Ехали долго. Из Ленинграда уезжали в мороз, по крепкому ладожскому льду. А в Горьком, куда прибыл наш поезд, было уже тепло, таял лед, всюду были лужи. Не всем суждено было доехать. На каждой станции с поезда снимали и снимали тех, кто не мог ехать дальше, но кого, может быть, можно было выходить, вернуть к жизни в маленьких станционных больницах. А еще — тех, кому уже ничем нельзя было помочь...

Дня за три до прибытия нашего состава в Горький к нам в вагон вошел юноша. Он сказал, что его зовут Андрей, что ему исполнилось восемнадцать лет и он получил повестку о мобилизации. С нашим поездом он должен был приехать в Горький и явиться на призывной пункт для отправки в действующую армию. Я не помню, конечно, его лица, но память сохранила его облик. Среднего роста, с золотисто-русыми вьющимися волосами. Глаза светлые, лицо доброе, приветливое. Андрей был, наверное, очень домашним мальчиком: он брал на руки маленькую Галю, играл с ней, носил ее на руках по вагону; он расспрашивал меня, словно старший брат, про школу